

ношений с Германией и Австрией [4, с. 299]. В число сотрудников журнала вошел, в том числе, и А. С. Лаппо-Данилевский.

Клочков предпринял попытку проанализировать основные труды академика. Автор публикации отметил, что А. С. Лаппо-Данилевский не только историк, но и археолог, экономист и философ, поскольку его работы охватывают также проблемы, находящиеся вне истории России. Проанализировав тематику, проблематику, хронологические рамки основных исследований ученого, Клочков отдельно остановился на его работе по изданию источников. Подводя итог, Михаил Васильевич пришел к следующему выводу: «Исследования ученого сочетают разносторонность и основательность, которые ясно выхватывает глаз уже при этом кратком обзоре, к тому же – его широкая эрудиция, использование опубликованных и архивных документов, его удивительная начитанность в литературе, усердие в методах при обработке материалов и осторожность в выводах, к которым он приходит, дают понимание того, что труды А. С. Лаппо-Данилевского занимают очень почетное место в русской исторической литературе» [7, с. 471].

В данной публикации М. В. Клочков сосредоточился на главных идеях, содержании и значении работ академика Лаппо-Данилевского в отечественной науке, а также на конкретной его деятельности с тем, чтобы определиться в целом с ролью ученого в научной и культурной традиции того времени. Возможно, статья Клочкова, учитывая ее тон и содержание, была попыткой выявления заинтересованности, необходимости отзыва на труды своего признанного коллеги, дружеского отношения и уважения к нему.

Таким образом, публикация М. В. Клочкова не только характеризует академика А. С. Лаппо-Данилевского, но и его самого, а также проливает свет на взаимоотношения двух историков. Клочков еще раз заявил о себе как об одном из представителей весомого научного сообщества дореволюционной России – школы русских историков Санкт-Петербургского университета, к которой принадлежал и А. С. Лаппо-Данилевский, и продемонстрировал родство научных интересов с ним, которые находились в плоскости истории русского права и социальных вопросов. И, наконец, отметил особенное отношение к источнику и факту А. С. Лаппо-Данилевского, что обнаруживало и его самого как источниковеда и профессионального историка.

1. Брачев, С. В. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба / С. В. Брачев. – Санкт-Петербург : Стомма, 2001. – 246 с.
2. Брачев, С. В. Травля русских историков / С. В. Брачев. – Москва : Алгоритм, 2006. – 320 с.
3. Письма акад. А. С. Лаппо-Данилевского проф. Д. И. Багалею // Записки Императорского Харьковского университета. – 1914. – Кн. 1, ч. офиц. – С. 74–75.
4. [Рецензия] // Исторический вестник. – 1911. – Т. 125 – № 7. – С. 299–300. – Подпись : М. К-в. – Рец. на кн. Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. – Berlin, 1910.
5. Ростовцев, Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа / Е. А. Ростовцев. – Рязань, 2004. – 352 с.
6. Чухлій, С. О. Історик Михайло Васильович Клочков (1877–1952): життєвий шлях та творча спадщина: монографія / С. О. Чухлій. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. – 188 с.
7. Klochkov, M. V. S. Lappo-Danilevskij / M. V. Klochkov // Zeitschrift für osteuropäische Geschichte. – 1911. – Bd 1. – S. 464–471.

Космач В. А.

СОЗДАНИЕ И НАЧАЛО РАБОТЫ РУССКОГО НАУЧНОГО ИНСТИТУТА В БЕРЛИНЕ (1923 Г.)

Русский научный институт в Берлине был открыт в 17 февраля 1923 г. Он разместился в здании «старой строительной академии на улице Шинкельплатц и был обязан своим возникновением инициативе и поддержке различным немецким деятелям и институтам» [5, 89]. По своему статусу русский научный институт (РНИ) «располагался между школой и университетом» [5, 89]. Особую роль в основании русского научного института в Берлине сыграли «германское общество по изучению Восточной Европы» во главе с профессором Отто Хётчем – самым известным историком по проблематике восточноевропейских исследований в годы Веймарской республики, а также Моритц Шлезингер – представитель «народного союза по делам русских беженцев» и одновременно Германского министерства иностранных дел и Прусского министерства науки, искусств и народного образования [5, 90].

Министерство иностранных дел Германии не планировало иметь официальные контакты с Русским научным институтом в Германии, поскольку это могло негативно сказаться на контактах Германии и Советской России (СССР), которые с апреля 1922 г. возобновляли и стремительно разворачивали сотрудничество во всех областях, в том числе военной [1;2;4;7]. Кроме того, в РНИ преподавание вели русские эмигранты, в их числе известная русская профессура, которые относились к лицам, «непризнанным, нежелательным в Советской России» [5, 89]. Поэтому в Берлине основание РНИ рассматривали как инициативу и мероприятие исключительно «Германского общества по изучению Восточной Европы». Условием косвенной, опосредованной поддержки русского

института со стороны официальных кругов должен был стать и тот обязательный факт, что РНИ должен был быть полностью в своей деятельности вне политики [5, 89–90]. Об этом в «Германское общество по изучению Восточной Европы» писал лично прусский министр культуры, искусств и народного образования [6, 7–12].

Но в реальной жизни нередко было другое. Так в предисловии к изданным в 1977 г. «Воспоминаниям» М. Шлезингера говорится что лично М. Шлезингер содействовал выезду из Советской России примерно в 80 профессоров, которые были высланы большевиками в Сибирь. Он же «создал материальные предпосылки для основания Русского научного института» [5, 89–90]. За подобными инициативами обычно стояли негласно или Вильгельмштрассе (германское МИД – В. К.), или Прусское министерство науки, искусств и народного образования. Что касается Советской стороны, то её официальная позиция по отношению начала работы РНИ в Берлине была выражена словами атташе по культуре при советском посольстве в Берлине Гринбергом, который заявлял, что его правительство «весьма понимало бы, если бы удалось здесь (в Берлине – В. К.) русским профессорам найти работу» и что в подобных мероприятиях желательно исключать недоверие и всякую политику. Т. е. позиция Советской России была в принципе выдержана в духе политики Рапалло, тем более, что русских профессор-эмигрантов обратно вернуть было нереально, а в самой Советской России (СССР) наступила либерализация (НЭП), а в отношениях с Германией – период активных научно-технических и культурных обменов, в которых были заинтересованы обе стороны [3].

26 февраля 1923 г. в Берлине состоялись официальные мероприятия по случаю образования Русского научного института. На заседании, которое проходило в торжественной обстановке было отмечено, что цели и задачи РНИ сводятся к «изучению русской духовной и материальной культуры и распространению знаний об этом среди русских и иностранцев, а также к гарантии помощи русской молодёжи на получение права посещать высшие школы Германии [5, 91]. Руководитель Русского научного института, инженер по профессии, профессор Ясинский в своём выступлении отметил, что 500 русских студентов, которые тогда обучались в берлинских университетах сближают культурно себя с Советским Союзом, и что ещё 1500 русских студентов ищут возможность проводить своё обучение в Германии [5, 91]. РНИ хотел бы оказывать содействие этим обеим группам русских студентов, как и помогать им в научно-исследовательской работе. Кроме организации специальных курсов для студентов РНИ на организацию целой серии докладов и спецкурсов для широкой общественности. Германские официальные лица смотрели на всё это положительно и рассматривали поддержку русских студентов в Германии как «инвестиции будущего» в том плане, что получившие в Германии образование русские студенты в перспективе найдут признание в Советской России и будут выступать там как «будущие руководящие личности в общественной и политической жизни России» [5, 91; 8, 130].

Возможность к «обучению» в РНИ имели следующие лица: студенты, которые до 1918 г. учились в русских высших учебных заведениях а также которые обучались или обучаются на момент основания института в зарубежных университетах; лица, которые закончили в России или за границей средние школы. Все они должны были быть не моложе 16 лет как мужского, так и женского полов. Стоимость обучения в РНИ за семестр составляла 5000 марок. Лица, которые посещали отдельные доклады и семинары и не заканчивали семестр полностью должны были уплатить 1000 марок [5, 91].

Русский научный институт в Берлине «посвящал себя» различным областям наук [5, 92]: философии, правовым наукам, экономике, что видно из первого расписания лекций для летнего семестра 1923 года. Известные русские ученые читали в РНИ учебные курсы по данным дисциплинам. Так, например, Н Бердяев преподавал историю «духовных течений в России», а также основы социальной философии; С. Франк – «Введение в философию»; А. Кизеветтер – «Русскую историю в XVIII-XIX вв. »; П. Струве – «Экономическую историю России»; А. Каминка – «Русское торговое право» и «Теорию правового сознания» М. Таубе – «Международное положение России». В данном случае речь идет только о тех ученых, которые изначально преподавали в РНИ. Многие из них имели постоянное место жительства за границей. А. Кизеветтер, П. Струве и другие жили, например, в Праге и имели по этой причине трудности с оформлением выездных виз, так что ректор РНИ должен был апеллировать к германскому МИДу. На Вильгельмштрассе обычно шли навстречу и поддерживали просьбу ректора института, оговаривая, что тот или иной приезд учёного в РНИ желательно должен соответствовать интересам немецкой стороны и что РНИ в Берлине не повторяет, не представляет аналог, подобие Русского университета в Праге [5, 92].

Деятельность РНИ способствовала также обогащению самой немецкой науки, которая фактически находилась в то время в международной изоляции [3, 54–56]. Работа русских профессоров Берлине, многие из которых были специалистами мирового уровня и известности, содействовала активным контактам с германскими научными кругами и научной общественностью и далеко выходила за рамки чисто научных связей. Предоставление въездных виз русским научным учёным

рассматривалась на Вильгельмштрассе, как «безупречное», беспрепятственное дело, так, как русская профессура «принадлежала к уважаемым представителям русской науки» [5, 93].

Для русских эмигрантов обучение в Русском научном институте в Берлине представляло возможность въезда и пребывания в Германии. После договорённости Ясинского с департаментом иммиграции при полиции-президиуме Берлина желающие учиться в РНИ русские получали в основной своей массе разрешение на въезд и пребывание в Германии, а также визу без отметки пошлины и поручительства. Германское МИД стремилось к тому, чтобы русских студентов в Германию приезжало больше. Тем самым создавалась конкуренция с русскими эмигрантскими центрами в Париже и Праге, в чём на Вильгельмштрассе были заинтересованы. Примеры Франции Бельгии Чехословакии в работе с русской эмиграцией заставляли официальный Берлин быть в готовности лучше и активнее помогать русским эмигрантам с той целью, чтобы «мосты между Германией и Россией разбить было невозможно» [5, 94]. Не только в Германии в те годы витала надежда на то, что в Советской России большевики будут отстранены от власти, иммигранты вернуться назад в Россию, вспомнят «оказанные им льготы» и учтут это обстоятельство «политически» [5, 94]. Политика «новой России» будет, считали в Германии, во многом определяться страной русской эмиграции («их страной, которая приняла русских эмигрантов, как гостей»). Таков был ещё один весьма важный для Германии момент в деятельности Русского научного института в Берлине.

1. Ахтамзян, А. А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах / А. А. Ахтамзян. – М., 1974.
2. Космач, В. А. До и после Рапалло: Советская Россия и СССР во внешней культурной политике Германии (1917–1932 гг.) / В. А. Космач. – Витебск, 2003.
3. Космач, В. А. Внешняя культурная политика Веймарской Германии в политической жизни страны и на международной арене (1919–1932 гг.) / В. А. Космач. – Витебск, 2006.
4. Anderle, A. Die deutsche Rapallo – Politik / A. Anderle. – Berlin, 1962.
5. Dodenhoeft, B. «Last mich nach Rusland». Rissische Emigration in Deutschland von 1916 bis 1945 / B. Dodenhoeft. – Fr. /a. Main : Peter Lang, 1993.
6. Politisches Archiv des Auswartigen Amtes, Bonn (PAAA). – VI B. Kunst und Wissenschaft Rusland. – № 282 (Das Russische Wissenschaftliche Institut in Berlin und andere deutsch-russische Institute. 1922–1926).
7. Rossenfeld, G. Sowjetunion und Deutschland, 1922–1932 / G. Rossenfeld. – Berlin, 1984.
8. Volkmann, H. E. Die russische Emigration in Deutschland. 1919–1929 / H. E. Volkmann. – Wurzburg, 1966.

Каплин А. Д., Гончаров Г. В.
СОЗДАНИЕ СЦЕНАРИЯ К КИНОФИЛЬМУ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»
И М. Н. ТИХОМИРОВ В КОНТЕКСТЕ СОБЫТИЙ 1930-Х ГГ.

В 2021 году отмечается 800-летие со дня рождения святого благоверного великого князя Александра Невского. О нём написано немало и историками. В частности, по такой интересной теме как: роль историков-источниковедов в создании сценария к знаменитому фильму С. М. Эйзенштейна [см. напр. 4, 9]. Однако значение М. Н. Тихомирова, оказавшего наибольшее влияние на изменения сценария, выяснена всё же недостаточно. Об этом и пойдёт речь в нижеследующем тексте.

«Александр Невский» – первый звуковой фильм С. М. Эйзенштейна – стал его единственным законченным фильмом в 1930-е годы. На экраны он вышел 1 декабря 1938 г. и только за этот месяц в советской печати об «Александре Невском» появилось около 130 статей. Интерес и успех – невиданные.

Но и критика фильма последует почти сразу и будет нарастать, причем С. М. Эйзенштейн судить себя начал едва ли не раньше других. В его архиве сохранилась черновая запись, датированная 24 декабря 1938 г. и названная им «Загадка Невского». Вот фрагменты этой записи: ««Невский» действует нагло наперекор себе. Все видят дефекты: бутафорию *avant tout*, длинноты, ритмические срывы и разрывы. Все видят – не только специалисты. Упорство, с которым идут по два-три раза даже те, кто с первого раза недоволен (за [ка]ким бы, казалось, дьяволом вообще идти еще раз, если не понравилось!). <...> Дело, думаю, в «шаманстве»: в том, что, подобно бубну шамана, бьет одна и одна только мысль ... Ни слова, ни реплики, ни эпизода, ни сцены – где не было бы только речи и дела о враге и необходимости его бить» [12, т. VI, с. 547].

Но кто он – этот враг? Как его бить? Авторам фильма «Александр Невский» и его зрителям предстояло дать свой ответ на эти вопросы в критическую пору своего бытия.

Таковыми разными людьми, как, например, Л. Д. Троцкий, историк, публицист, эмигрант Г. П. Федотов и др. (почти синхронно событиям и впоследствии) неоднократно высказывалась мысль о том, что в 1934–1936 гг. в СССР произошли огромные («коренные», «революционные», «контр-революционные...») перемены. 5 марта 1934 года на заседании Политбюро ЦК партии И. В. Сталин заметил (в пересказе А. И. Стецкого): «Странная у нас получается вещь. Одно время у нас совершенно не было русской истории, а русская история подменялась историей революционного движения» [Цит. по: 1, с. 183].